

Политика США в отношении России: конкуренция, сдерживание и управление

Татьяна А. Шаклеина

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия, shakleina-tania@yandex.ru*

Аннотация. Глобальная стратегия США, хотя и претерпевает изменения, в том числе при изменении правящих администраций, характеризуется преемственностью основных идейных составляющих, цели и задач, методов их реализации. Аналогичная ситуация прослеживается и в политике США в отношении России. Гипотеза автора состоит в том, что политика Америки на российском направлении развивается в рамках конфронтационно-конкурентной парадигмы, которая не меняется и не зависит от того, в какой ипостаси находится Российское государство. Определяющим фактором является его роль в мировом развитии и формировании основ мирового порядка, которая не совпадает с американским видением мирового развития, мешает США выстраивать моноцентричный (американо-центричный/западоцентричный) либеральный мировой порядок.

Восстановление великодержавного статуса России после роспуска СССР неприемлемо для США, прежде всего для правящей элиты. Именно поэтому противостояние и сдерживание Российской Федерации нарастало начиная с 1995 г. и привело в 2010-е гг. к новой холодной войне, что особенно ярко проявилось при администрации Трампа. Наблюдается консенсус между всеми институтами американской политической системы – Конгрессом, политическими партиями, СМИ, «мозговыми центрами», группами интереса, разведсообществом и другими ведомствами – как по вопросу общей стратегии, так и в отношении России. Статья предлагает анализ подходов и рекомендаций американских экспертов, на основании которых и будет выстраиваться российская политика в среднесрочной и долгосрочной перспективах. При анализе автор придерживается структурно-реалистского подхода.

Ключевые слова: Россия, США, международные отношения, российско-американские отношения, либеральный мировой порядок, «мозговые центры»

Для цитирования: Шаклеина Т.А. Политика в отношении России: конкуренция, сдерживание и управление // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 10–26. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-10-26

American policy towards Russia: competition, deterrence and governing control

Tatiana A. Shakleina

*Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia,
shakleina-tania@yandex.ru*

Abstract. The global strategy of the United States is characterized by a great degree of continuity, adherence to basic ideas of American ideology, aims, tasks, and the methods of realization of national American interests, though different administrations bring tactical minor changes to the real policy and official rhetoric. Similar trend is seen when we describe and analyze the US strategy towards Russia. The hypothesis of the author is the following: American policy towards Russia has been developing within a quite clear historical paradigm of confrontational competition; American actions do not depend on whether the Russian State exists as the USSR or the Russian Federation. The dominant factor defining this kind of confrontational strategy is that Russia remains one of the leading world powers that is playing a very influential role in international relations and the world order formation, demonstrates an opposite to American view of global governance and world development. In the US, it is seen as a serious obstacle to the realization of the American concept of world liberal order – a monocentric /US centric world order.

Restoration by Russia of a great power status after the dissolution of the Soviet Union has not been fully predicted and is unacceptable to the US, and first of all, to the ruling political elite. Opposition and criticism of Russia has been growing since 1995, and in the 2010s the deterrence of Russia evolved into a new cold war. Cold war confrontation between the US and Russia during the Trump administration became large scale and multifaceted, and could be characterized as a political, economic, and information war. There is a quite clear consensus on the Russia issue between the representatives of Congress, political parties and the groups of interest, mass media and think tanks, the representatives of intelligence community and some federal agencies. The article suggests the analysis of the views and recommendations of the leading think tanks as their influence on the policy towards Russia has been quite visible during all administrations. Though the Trump administration is in opposition to practically all liberal media

(the majority of all mass media) and think tanks, the policy of the United States towards Russia is being formulated within the traditional paradigm. The author suggests a structural realist school of thinking as the most relevant for the better understanding of the situation in the Russian-American relations.

Keywords: Russia, United States, international relations, Russian-American relations, liberal world order, think-tanks

For citation: Shakleina, T.A. (2020), "American policy towards Russia: competition, deterrence and governing control", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 10–26, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-10-26

Разгоревшаяся в США в период президентских выборов 2016 г. антироссийская кампания была продолжением нараставшей в течение 2000-х и 2010-х гг. линии на закрепление непримиримо-наступательной стратегии в целом и в отношении России в частности. Политика в отношении России приобрела характер войны по нескольким направлениям: экономическому, политическому, идеологическому, информационно-пропагандистскому. Были мобилизованы почти все страны Центральной и Восточной Европы, отдельные постсоветские государства, ставшие активными исполнителями массовой антироссийской кампании. Двусторонние отношения полностью вернулись в конфронтационно-конкурентный формат, более масштабный, диверсифицированный и жесткий, чем холодная война XX в.

«Российский вызов» американскому могуществу

Исторически в отношениях России и США сформировалась парадигма, которую можно называть «холодновоенной» или «конфронтационно-конкурентной». На разных этапах взаимодействия двух держав отношения между ними имели разную степень остроты и противостояния, случались и непродолжительные «разрядки», которые все-таки оставались очень важными событиями, вносившими некоторое ослабление международной напряженности.

Надежды на то, что возможно изменение конфронтационной парадигмы в российско-американских отношениях, начали меркнуть начиная с 1995 г. Происходило постепенное, но неуклонное нарастание противоречий, и уже при администрации Обамы мож-

но было говорить о начале новой холодной войны¹ [Legvold 2016; Шаклеина 2017, с. 178–301]. Россия никогда не идеализировалась американскими аналитиками, историками и политологами, однако в большинстве работ все-таки соблюдалось правило политической корректности, хотя и нарушалось оно также нередко (с обеих сторон). С середины 2010-х гг. американские политологи, прежде всего либеральной школы, полностью отошли от аналитической корректности, и их выступления и писания утратили какую-либо научную оригинальность, превратившись в набор клише и стереотипных высказываний. Уже во время второго срока администрации Обамы полностью победила безальтернативность в суждениях о России, а к 2020 г. мощная антироссийская волна «вымыла» из ведущих центров почти всех аналитиков, которые придерживались альтернативных мейнстримовскому суждений [Drezner 2017].

После выборов Д. Трамп не смог (или уже не желал?) реализовать свое намерение наладить отношения с Россией. Политика США начала выстраиваться почти в полном соответствии с тем, что говорили и писали большинство внешнеполитических экспертов и аналитиков. В Стратегии национальной безопасности 2017 г. было заявлено, что Россия и Китай бросают вызов Америке, ее влиянию и интересам, нанося ущерб ее безопасности и процветанию, так как они стремятся сделать экономику менее свободной и менее справедливой, наращивают свою военную мощь, усиливают контроль над информацией для расширения своего влияния в американском обществе².

Этот постулат получил дальнейшее развитие в Оборонной стратегии 2018 г., где было заявлено, что после периода ослабления внимания к стратегическим вопросам стало заметным снижение конкурентного потенциала США, в результате чего усиливается глобальный беспорядок и упадок международных норм. Указывалось на то, что на первый план выступает не борьба с терроризмом, а конкуренция между государствами, поэтому именно исходя из

¹ Подробно о ситуации в отношениях России и США в 1990–2000-е гг., о том, как постепенно набирала силу антироссийская критическая кампания и закреплялся образ агрессивной России, см.: *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке: Дискуссии в политико-академических сообществах России и США: 1991–2002. М.: Ин-т США и Канады РАН, 2002. 445 с.

² National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения 17 апр. 2020).

этого должна строиться национальная стратегия США. Акцент был сделан на том, что один из стратегических конкурентов – Китай – проводит хищническую экономическую политику, пытается подорвать существующий порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и выстроить новый порядок в соответствии со своими интересами, стремится к региональной гегемонии в АТР, модернизируя свои вооруженные силы, и в перспективе – к достижению глобального преобладания над США.

России отводится роль дестабилизатора в сфере безопасности. В документе указывается, что второй стратегический конкурент – Россия – хочет перестроить мировой порядок в своих интересах; нарушает границы соседних государств и использует право вето для блокирования инициатив соседних стран; стремится подорвать Североатлантический альянс, изменить систему безопасности в Европе и на Ближнем Востоке, подорвать демократические процессы в Грузии, Восточной Украине, Крыму; наращивает и модернизирует вооружения³. Авторы документа преувеличивают вызовы США, которые остаются самой мощной военной державой с колоссальными военными расходами и постоянным процессом разработки все новых и новых видов оружия массового поражения (ОМП). Это делается не только для сохранения могущества военно-промышленного комплекса (ВПК) и получения огромных военных заказов, но и для обоснования воинственного внешнеполитического курса, очень затратного и необязательно нужного для американского общества, в котором назрело немало внутренних социально-экономических проблем [Mandelbaum 2010].

Поворот к военно-политической конфронтации глобального характера и началу нового этапа великодержавной конкуренции требовал более детального научного обоснования, чем занялись «мозговые центры». Произошел поворот от неолиберализма с фокусом на институтах к неореализму с акцентом на ведущих мировых державах и конкуренции между ними. Особенно заметным поворот к структурному реализму был в работах «РЭНД корпорейшн», Института Брукингса, Центра стратегических и междуна-

³Nuclear Posture Review Report. U.S. Department of Defense, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения 17 апр. 2020); 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge [Электронный ресурс]. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения 17 апр. 2020).

родных исследований, хотя последний продолжает основное внимание уделять идеологическим вопросам. В работах американских аналитиков, как и в основных внешнеполитических документах, когда речь идет о России и Китае как равных по силе соперниках/конкурентах Соединенным Штатам, в отношении России акцент делается на геополитике – установлении преобладающего влияния на территориях постсоветских стран и на военной мощи, которая может быть использована РФ для продвижения своих интересов. На основании такого видения места России в формирующемся порядке экспертный анализ концентрируется на проблемах безопасности как регионального, так и глобального уровня.

Одной из главных задач политики США и НАТО считается защита стран Балтии и стран Восточной Европы – бывших республик СССР (Грузия, Молдавия, Украина), для чего разрабатывается новая стратегия сдерживания России с возможностью использования военных методов, включая военные действия с использованием ядерного оружия в случае необходимости. Отмечается, что Москва должна заплатить за свои военные действия по захвату Крыма, так как это важно для европейской безопасности и предотвратит возможные действия России в отношении других территорий⁴.

О необходимости разработки более жесткой стратегии в отношении России говорилось и в докладе, подготовленном под эгидой Центра стратегических и международных исследований «Противостоя российскому и китайскому влиянию». Авторы доклада заявили, что пандемия 2020 г. создала более благоприятные условия для России и Китая для продвижения их геополитических интересов посредством дезинформации и других информационных технологий. «Пагубное влияние» этих стран определяется как направленное на «подрыв, давление, корруммирование» демократических политических процессов в разных странах, прежде всего США и их союзников (например, Великобритании, Японии, Германии и т. д.). Указывается, что действия России и Китая ведут к подрыву общественной жизни, электоральной системы, политического развития и функционирования системы рыночной экономики. Делается акцент на том, что Россия стремится подорвать мощь своих конкурентов/оппонентов, создавая разделительные линии внутри демократических стран и между демократическими странами, используя информационные технологии, незаконное

⁴*Pifer St.* Crimea: Six Years after Illegal Annexation [Электронный ресурс] // Brookings. 2020. March 17. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/03/17/crimea-six-years-after-illegal-annexation/> (дата обращения 17 апр. 2020).

финансирование и коррупционные схемы. В докладе не приведены какие-либо конкретные примеры таких действий России, которые позволили бы предметно говорить как о самой политике, так и о ее результатах⁵, звучат призывы сдерживать Россию, блокировать любые ее действия. Такие предложения звучат в выступлениях как американцев, так и представителей стран Восточной Европы, Балтии, Грузии и Молдовы. Любые действия России на любых направлениях характеризуются как агрессивные, хотя российская политика направлена на достижение целей, призванных удовлетворять политические и экономические интересы и потребности страны, интересы обеспечения безопасности.

Американские либералы упорно не хотят признать, что мировое развитие имеет жестко конкурентный характер, масштабы и формат которого после окончания биполярного порядка были определены как субъективным фактором – политикой Соединенных Штатов, так и объективными факторами – увеличением числа ведущих мировых держав и усложнением международной среды в целом, что было обусловлено изменением роли стран среднего уровня [Богатуров 2017; Mearsheimer 2018]. Все участники международных отношений стремятся изменить расстановку сил, распределение влияния. Ни один из них не останавливается в стремлении получить как можно больше в процессе становления мирового порядка. Наступательное (часто агрессивное) поведение в отстаивании своих интересов демонстрируют как крупные державы (США, Турция, Китай, Япония), так и так называемые малые и средние страны (например, Польша, страны Балтии и др.). Развивается тренд по переконфигурации мира, в котором Россия также старается не утратить влияния и возможностей развития [Мегатренды 2014, с. 73–88].

Российское государство на протяжении всей истории боролось за выход к морям и обеспечение своей морской мощи. Черное море занимало особое место в истории России. Черноморская стратегия РФ была очень негативно оценена в США (не говоря о странах Европы). В специальном докладе «Южная стратегия России» было сказано, что Россия рассматривает Каспийско-Черноморский макрорегион как жизненно важный, открывающий путь и возможности в Южной Европе, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. По оценке автора доклада политолога Н. Гвоздева, эта стратегия

⁵Conley H., Newlin C., and Kostelancik T. Countering Russian & Chinese Influence Activities [Электронный ресурс] // CCIS. 2020. July 15. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-russian-chinese-influence-activities> (дата обращения 8 авг. 2020).

препятствовала политике НАТО в этом регионе, защищала южный фланг России, позволяла ей поддерживать существовавших и будущих стран-клиентов в регионе. Кроме того, открывала новые возможности для бизнеса, инвестиций и торговли, что позволило России смягчить последствия санкций. Верная оценка того, чему США должны противостоять.

Отмечается, что Южная стратегия России преследовала как глобальные геополитические, так и внутривнутриполитические и экономические цели. Как и Арктическая стратегия, она позволяла РФ остаться региональным гегемоном, одной из великих держав, которая могла бы выполнять те же задачи в сфере безопасности, что и НАТО, продвигавшая мир и безопасность. И хотя Россия, как заявил Н. Гвоздев, не может конкурировать с США и КНР на глобальном уровне, две макрорегиональные стратегии позволяют ей сохранить высокий статус в мировой политике, в том числе стать своего рода «мостом» между Китаем и Европой, а также укрепить связи со странами Персидского залива и Индийского океана⁶. Это действительно так, но это мешает и не нравится США и Европе, не позволяет им и дальше продвигать концепцию либерального мирового порядка.

В Южной стратегии РФ особое место занимает проблема Крыма. Воссоединение Крыма с Россией стало главным оправданием в закреплении и масштабной активизации политики новой холодной войны. Именно в Стратегии национальной безопасности США 2015 г. Россия была классифицирована как страновая «угроза № 1»⁷. Две другие – Эбола и терроризм – менее конкретны и имеют совсем другую природу: с ними гонкой ядерного оружия и ростом центров НАТО по информационно-пропагандистской войне с конкретной страной не борются.

Отдельные политологи предлагали, не исключая тему Крыма из перечня вопросов, которые следует прорабатывать, не ставить решение всех остальных вопросов в отношении двух держав в зависимость от крымской проблемы. И действительно, тема Крыма не выносилась постоянно на первый план, хотя все «мозговые центры» Вашингтона в ходе всех семинаров и конференций, где так или иначе обсуждалась Россия, тезис о возврате Крыма под-

⁶Gvosdev N.K. Russia's Southern Strategy [Электронный ресурс] // FPRI. 2019. November 12. URL: <https://www.fpri.org/article/2019/11/russias-southern-strategy/> (дата обращения 30 июля 2020).

⁷National Security Strategy of the United States of America (2015) [Электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения 30 июля 2020).

нимали. Так, политолог С. Пайфер пишет, что жесткие действия США «важны для Украины и европейской системы безопасности и для того, чтобы у России впредь не возникало желания захватить чужие земли в будущем»⁸.

Главным посылом в аналитических материалах американских экспертов является мысль о том, что макрорегион Черного моря должен стать таким же жизненно важным объектом более активной политики США, каким он является для России, с тем чтобы не позволить ей реализовать амбициозные планы. Аналогичная рекомендация давалась и в отношении Арктического региона, где уже с середины 2000-х гг. США и другие державы вели наступление на позиции РФ и пытались вытеснить или сократить ее возможности в этом макрорегионе. В 2010-е гг. в конкурентную борьбу в Арктике включились Китай, Япония, Индия, Республика Корея, а США и их союзники в Северной Европе лишь усиливали давление, в том числе используя базы НАТО [Ситуационные анализы. Выпуск 5, 2017, с. 295–318; Россия и США в XXI веке 2020, с. 140–167].

Как отмечалось выше, внешнеполитический курс США еще до прихода к власти Д. Трампа имел милитаризованный, или воинственный, характер, никто в администрациях и экспертном сообществе не задавался вопросом о легитимности использования военной силы против суверенных стран и об ответственности за это. Право США на военные действия в любом уголке мира считалось неотъемлемой частью «американской общемировой миссии», и никакой платы за нанесенный ущерб не предусматривалось, так как даже военные действия США считались «благожелательными», «судьбоносными», «справедливыми». Отработка идеи относительно возможности использования ОМП малой мощности в локальных конфликтах и «малых войнах» также началась до администрации Трампа, однако в годы его администрации теоретическая и техническая отработка различных подобных сценариев получила новый импульс и масштаб.

Именно военные возможности США и НАТО оказались в фокусе разработок для формирования политики в отношении России, для ее сдерживания на постсоветском пространстве. Использовался проверенный тезис о технологическом отставании. Отмечалось, что НАТО уступает России в обычных видах вооружений, поэтому в случае проведения РФ военной операции по вторжению и захвату стран Балтии российские вооруженные силы в считанные дни могут захватить столицы этих стран, поставив НАТО перед свершившимся фактом. Исходя из этого, предлагается разработать стратегию

⁸*Pifer St.* Op. cit.

сдерживания, которая предусматривает возможность использования ядерного оружия (ЯО) для сдерживания России на балтийском направлении. В более широком плане предлагались следующие действия: 1) усовершенствовать оборонные возможности стран Балтии с помощью обычных видов вооружений (ОВВ); 2) усовершенствовать боевые возможности НАТО в применении ЯО, используя имеющиеся и создавая новые платформы для запуска оружия дальнего и малого радиуса действия; 3) усовершенствовать планирование, доктринальное обеспечение и проведение учений по отработке готовности к использованию ЯО; 4) улучшить военную инфраструктуру НАТО, в том числе расширяя военные базы; 5) улучшить возможности горизонтальной эскалации на другие театры действий, где Россия имеет худшие возможности действий⁹.

Планы ведения военных операций разного масштаба и разного рода войн прорабатывались в недрах «мозговых центров» и в XX в. Многие разработки оставались конфиденциальными, как и сейчас, но те предложения экспертов, которые появляются в открытой печати, на сайтах центров, по всей видимости, выполняют роль фактора сдерживания потенциального противника, убеждения союзников в необходимости усилить оборонительные действия и имеют большое значение для укрепления образа «России-врага», против которого НАТО ведет активную борьбу и готова пойти на крайние меры. Такие публикации придают силу странам-союзникам США из Восточной Европы в ведении информационно-пропагандистской войны против России, их действия представляются им безнаказанными и закономерными, раз за их спиной стоят США.

По признанию американских политиков и политологов, политика РФ после 2000 г. сузила рамки для маневра НАТО в отношении ряда постсоветских стран. Они объясняли действия России стремлением воссоздать Советский Союз, хотя Евразийский проект России имел целью сформировать региональную подсистему, важной частью которой станет интеграционное объединение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и другие усиленные в 2000-е гг. институты, такие как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) [Россия и США в XXI веке 2020, с. 199–255]. Одновременно России пришлось столкнуться с результатами действий США в

⁹*Davis P., Gilmore M., Frelinger D., Geist Ed., Gilmore Ch., Oberholtzer J., Tarraf D. Exploring the Role Nuclear Weapons Could Play in Deterring Russian Threats to the Baltic States [Электронный ресурс] // RAND. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2781.html (дата обращения 12 апр. 2020).*

разных странах постсоветского ареала – «цветными революциями», межэтническими конфликтами, стремлением отдельных народов и территорий к независимости. Соединенные Штаты занимают двойственную позицию в этом вопросе: они поддерживали распад Югославии на отдельные небольшие страны, зависимые от Европы и США, как результат стремления отдельных субъектов к независимости, в постсоветских странах они называли сепаратизмом все устремления к автономии или отделению (за исключением Чечни). Сепаратизм заслуживал, по их определению, наказания и сдерживания (Абхазия и Южная Осетия, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Крым, Донецкая и Луганская Народные Республики). Любые попытки участия отдельных постсоветских стран в российских структурных и интеграционных проектах определяются только как действия, совершаемые «под давлением» со стороны России-гегемона. При этом о политизации практически всех структурных проектов ЕС и США не говорится, хотя это имеет место [Введение в прикладной анализ 2017, с. 198–232].

Аналитики «РЭНД корпорейшн» стремятся в очередной раз «затуманить» реальное положение дел в постсоветских странах. Они предлагают концепцию «промежуточных стран» (in-between-states). В прошлом по старой терминологии это буферные страны, в которых сталкиваются интересы ЕС, США и России. К таким странам относят Украину, Белоруссию, Молдавию, Грузию, Азербайджан, Армению. Главная идея концепции «промежуточных стран» почти такая же, как в концепции «перезагрузки»: не отказываясь от цели их вовлечения в орбиту НАТО и ЕС, начать переговоры по всему спектру проблем экономики, безопасности, идеологии с Россией. Один из участников разработки этой концепции – С. Шарап, в 2000-е гг. работавший в продемократическом прогрессистском Центре за национальный прогресс, который научно обеспечивал предвыборную кампанию Б. Обамы и затем деятельность администрации. О результатах использования такого формата переговоров можно судить по деятельности Минской группы по урегулированию украинской ситуации: она ни к чему не привела, так как ни ЕС, ни США не отказываются от идеи и цели вытеснения России, что позволит им по-своему работать на территории Украины. *Иными словами, сохраняется тактика двух треков: с одной стороны, декларативного официального, направленного на диалог и поиск удобного для всех сторон выхода из ситуации, а с другой – неофициального, предусматривающего постепенное лишение России тех преимуществ в указанных странах, которых у США и ЕС нет.*

Американские политологи признали, что в обозримой перспективе осуществить расширение НАТО и ЕС за счет указанных пост-

советских стран не представляется возможным, а значит, нужно изменить тактику и все-таки не позволить им найти альтернативные пути своего развития, т. е. глубже войти в евразийские институты. К 2020 г. переиграть Россию в так называемых промежуточных странах ни ЕС, ни США не удалось, поэтому вбрасывается не совсем четкая терминология, возвращается категория региональных порядков, так как, пока усилия США и их союзников по формированию либерального мирового порядка не увенчались успехом, действовать на отдельных направлениях легче¹⁰. США и ЕС вложили много средств и усилий в политическое и экономическое реформирование «промежуточных стран», не заботясь серьезно об их стабильности и урегулировании существовавших проблем¹¹.

Эксперты РЭНД предлагают формат бесконечных переговоров, которые будут вносить сложности в реализацию Евразийского структурного проекта. Это не означает, что нужно отказываться от диалога с США и ЕС, но вести его следует на своих условиях и на основе хорошо продуманных российских рекомендаций. «Перезагрузка», по оценкам американских политологов, закончилась, не начавшись. Это произошло потому, что ее реальной целью было не возведение двусторонних отношений на отличный от предшествующего формата уровень, не качественное изменение взаимодействия, не уважение интересов России, а стремление под прикрытием диалога осуществлять политику воздействия на российское общество. Имелось в виду то самое вмешательство во внутренние дела страны, против чего так рьяно выступали в Вашингтоне представители всех ветвей власти, СМИ и «мозговые центры» начиная с 2016 г., когда речь зашла о США.

Странам постсоветской Восточной Европы не нужен никакой отдельный региональный порядок. Они будут так или иначе существовать с ориентацией и разной степенью вовлеченности в два проекта – Европейский и Евразийский, к которым может еще прибавиться китайский проект. А порядок в сильно глобализованном мире формируется сложно под влиянием трех центров – США,

¹⁰ A Consensus Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia / Ed. by Sharap S., Drennan J., Chalyi., Krumm R., Nikitina Y., and Sasse G. [Электронный ресурс] // RAND. URL: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF410.html (дата обращения 12 апр. 2020).

¹¹ Автор придерживается концепции региональных подсистем (а не региональных порядков) как структурных самостоятельных единиц в формировании мирового порядка, определяющих ситуацию больших пространств. Об определении региональной подсистемы см.: [Мегатренды 2014, с. 73–88].

Китая, России, так как ЕС не стал идеальной моделью интеграции для всего мира, более того, испытывает трудности из-за того, что его разрывает между американским трансатлантическим проектом и собственным европейским проектом, а, как известно, на двух стульях сидеть трудно [Системная история международных отношений 2019, с. 291–327].

Хотя отдельные аналитики видят в Евросоюзе третий центр глобального управления, большинство американских политологов и политиков все-таки хотели бы сохранения ЕС как реализатора трансатлантических интересов и планов, формулируемых в Вашингтоне. Отмечается, что Европа довольно успешно играет против Москвы в рамках трансатлантической стратегии сдерживания России, однако в решении других важных проблем (например, подъем Китая, конфликт в Сирии и др.) ЕС не может сформулировать внятной позиции и практически ничего не делает, что снижает роль Европы в стратегии США и вынуждает Вашингтон принимать отдельные меры по перегруппировке своего взаимодействия (использование стран Восточной Европы и Балтии)¹².

Важной сферой взаимодействия России и США был контроль над вооружениями, прежде всего ядерными. В XXI в. проблема распространения и контроля над ЯО приобрела особое значение из-за изменения политики США в сфере безопасности, нежелания новых ядерных стран действовать в рамках существующей системы контроля – Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Устремления к разрушению действовавшей в годы биполярного порядка системы контроля демонстрировали все американские администрации, хотя именно республиканцы предприняли конкретные шаги: при администрации Дж. Буша-мл. США вышли из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) в 2002 г., администрация Д. Трампа объявила о выходе из Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) в 2016 г., судьба Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ) осталась под вопросом. Американские политики неоднократно заявляли о том, что договоры XX в. устарели, необходимо их пересмотреть, включив в договорный процесс КНР. При этом США не говорят о том, что они вывели из международного договорного процесса Индию, связав ее двусторонним договором, не упоминают об обязатель-

¹²*De Weck J.* Europe as a Neutral Giant? [Электронный ресурс] // RAND. 2020. June 15. URL: <https://www.fpri.org/article/2020/06/europe-as-a-neutral-giant/> (дата обращения 30 июля 2020).

ствах Пакистана и Израиля, которые также не участвуют в режиме контроля ЯО. Вместо того чтобы вместе с ведущими ядерными державами усилить режим контроля, США пошли по пути полного разрушения институциональной базы сферы обеспечения международной безопасности, что вряд ли будет способствовать стабилизации мирового развития.

Когда речь заходит о характеристике отношений российского и американского государств, то часто встает вопрос о том, чем закончилась холодная война XX в. В обеих странах часть политиков и политологов полагают, что она завершилась победой США – Запада, другие считают, что простого ответа на этот вопрос не существует и о поражении СССР говорить не следует. Интересно, что новое поколение американских экспертов предпочитает рассматривать развивающиеся и будущие отношения США и РФ без апеллирования к категории «победы или поражения». Они предлагают описывать современное состояние международных отношений как «сочетание соревнования, конкуренции и кооперации». По их мнению, принимая во внимание характер политической власти в РФ и КНР, вряд ли стоит рассчитывать на скорую победу, похожую на окончание холодной войны XX в. Предлагается действовать в «управляющем формате», т. е. просчитывать и управлять развитием событий в мире, регионах и странах. Указывается, что стратегия США в отношении России и Китая должна быть долгосрочной и создать такие внешние условия, которые способствовали бы развитию внутривнутриполитических ситуаций в этих странах в нужном направлении, т. е. вели бы к политическому ослаблению стран и сужению возможностей для их маневра и развития¹³. Сходную мысль высказывает А. Стент, которая является одним из ведущих специалистов по России. Она полагает, что необходимо уделить особое внимание взаимоотношениям Китая и России, эксплуатировать существующие между ними противоречия, не допустить дальнейшего сближения: «Хотя США не могут полностью развести две державы, американская политика не должна способствовать дальнейшему сближению КНР и РФ и развитию партнерских отношений»¹⁴.

¹³ Mazarr M., Blake J., Casey A., McDonald T., Pezard S., Spirtas M. Understanding the Emerging Era of International Competition Theoretical and Historical Perspectives [Электронный ресурс] // RAND. 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2726.html (дата обращения 12 апр. 2020).

¹⁴ Stent A. Russia and China: Axis of Revisionists? [Электронный ресурс] // Brookings. 2020. February. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/02/FP_202002_russia_china_stent.pdf (дата обращения 17 апр. 2020). См. также [Stent 2019].

В конце правления администрации Д. Трампа российско-американские отношения сохраняли стабильно конфронтационный формат, которые отдельные политологи определяли как «новая холодная война» (Р. Легволд); «странная холодная война» (А. Безруков и А. Сушенцов); холодная война с маленькой буквы в сравнении с «Холодной войной» XX в. с Советским Союзом, так как Россия не является аналогом СССР и противостояние между державами не так грандиозно по масштабам, как советско-американское (Дж. Миршаймер); «холодная война как исторически сложившаяся парадигма двусторонних отношений» (Т.А. Шаклеина) [Russia and the United States in the Evolving World Order 2018]. Политологи из ведущих американских «мозговых центров», конгрессмены и представители СМИ и академического сообщества в своем большинстве не заботятся о терминологической точности, но холодновоенный формат сохраняют, используют сформированные в прошлом стереотипы и технологии, ужесточая контент и полностью отбросив политическую корректность, которая в XX в. все-таки сохранялась [Shakleina 2016].

Литература

- Богатуров 2017 – *Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.
- Введение в прикладной анализ 2017 – Введение в прикладной анализ международных ситуаций / Под ред. Т.А. Шаклеиной. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2017. 256 с.
- Мегатренды 2014 – Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. 448 с.
- Россия и США в XXI веке 2020 – Россия и США в XXI веке: Особенности отношений / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2020. 349 с.
- Системная история международных отношений 2019 – Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018 / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Юрайт, 2019. 362 с.
- Ситуационные анализы. Выпуск 5 2017 – Ситуационные анализы. Вып. 5: Международные институты в современной мировой политике / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО (Университет), 2017. 482 с.
- Шаклеина 2017 – *Шаклеина Т.А.* Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2017. 272 с.
- Drezner 2017 – *Drezner D.W.* The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas. NY: Oxford University Press, 2017. 360 p.

- Legvold 2016 – *Legvold R.* Return to Cold War. Malden, Mass.: Polity Press, 2016. 187 p.
- Mandelbaum 2010 – *Mandelbaum M.* The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era. NY: PublicAffairs, 2010. 212 p.
- Mearsheimer 2018 – *Mearsheimer J.J.* The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. New Haven: Yale University Press, 2018. 313 p.
- Russia and the United States in the Evolving World Order 2018 – Russia and the United States in the Evolving World Order / Ed. by A. Torkunov, N. Noonan, T. Shackleina. Moscow: MGIMO University, 2018. 414 p.
- Shackleina 2016 – *Shackleina T.* Cold War as Part of American Global Strategy // International Trends. 2016. Vol. 14. № 1 (January – March). P. 39–46.
- Stent 2019 – *Stent A.E.* Putin's World. Russia Against the West and with the Rest. NY: Hachette Book Group, Inc., 2019. 447 p.

References

- Bogaturov, A. (2017), *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Rossii* [Contemporary International Relations and Russian Foreign Policy], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Bogaturov, A., ed. (2019), *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. Opyat' razdelennyi mir. 1980–2018* [Systemic History of International Relations. Again a Divided World. 1980–2018], Yurait, Moscow, Russia.
- Drezner, D.W. (2017), *The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas*, Oxford University Press, New York, US.
- Legvold, R. (2016), *Return to Cold War*, Polity Press, Malden, Mass., US.
- Mandelbaum, M. (2010), *The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era*, PublicAffairs, N.Y, US.
- Mearsheimer, J.J. (2018), *The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities*, New Haven, Yale University Press, US.
- Shackleina, T., ed. (2017), *Situatsionnye analizy. Vypusk 5: Mezhdunarodnye instituty v sovremennoi mirovoi politike* [Situational Analyses. Issue 5: International Institutions in Contemporary World Politics], MGIMO University Press, Moscow, Russia.
- Shackleina, T., ed. (2017), *Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii* [Introduction to international analysis], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Shackleina, T. (2016), “Cold War as Part of American Global Strategy”, *International Trends*, vol. 14, no. 1 (January – March), pp. 39–46.
- Shackleina, T. (2017), *Rossiya i SShA v mirovoi politike* [Russia and the United States in World Politics], Aspect Press, Moscow, Russia. 336 p.
- Shackleina, T., ed. (2020), *Rossiya i SShA v XXI veke. Osobennosti otnoshenii* [Russia and the United States in the 21st Century. Relations of Discontent], Aspekt Press, Moscow, Russia.

- Shakleina, T. and Baykov, A., eds. (2014), *Megatrendy. Osnovniye traektorii evolutsii mirovogo poriadka v XXI veke* [Megatrends. Global Trajectories of the Evolution of World Order], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Stent, A.E. (2019), *Putin's World. Russia Against the West and with the Rest*, Hachette Book Group, Inc., N.Y, US.
- Torkunov, A., Noonan, N. and Shakleina, T., eds. (2018), *Russia and the United States in the Evolving World Order*, MGIMO University, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна А. Шаклеина, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; shakleina-tania@yandex.ru

Information about the author

Tatiana A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; shakleina-tania@yandex.ru